

«С должности Евтушенко меня никто не снимет»

Коммерсантъ - 2003 - 11 окт - с. 9

ЮБИЛЕЙ ПОЭЗИЯ

Сегодня Евгений Евтушенко выступит в Государственном Кремлевском дворце с очередным поэтическим концертом в рамках своего юбилейного турне — празднование 70-летия классика советской поэзии растянулось на два года. Накануне выступления ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО побеседовал с корреспондентом „Ъ“ АНДРЕЕМ ЗАХАРЬЕВЫМ.

— Вы собираетесь обновить репертуар?

— Это не просто концерт. Это суперконцерт по масштабу. Никогда еще в России вместе не исполнялись Тринадцатая симфония и «Казнь Степана Разина» Шостаковича на мои слова. Российская симфоническая капелла под управлением Валерия Полянского — это мощное собрание талантов. «Казнь Степана Разина» будет дирижировать оригинальнейший американский дирижер Франц Антон Крагер, который превратил симфоническое произведение в театральное зрелище. Я буду читать новое стихотворение «Ленинградская симфония» под аккомпанемент оркестра, играющего фрагмент Седьмой симфонии. К части Тринадцатой симфонии на стихотворение «Страхи», наконец выполнив просьбу Шостаковича сорокалетней давности, я написал три новых четверостишия вместо старых, довольно неуклюжих. Этот вариант будет исполняться в России впервые.

— Вы, говорят, даже гимн исполнять будете?

— Когда-то я участвовал в конкурсе на текст нового гимна России на музыку Глинки. Мой текст долго лежал на столе у Ельцина, и он его многим показывал. Мне рассказывали, как один его скользкий подхалим воскликнул: «Что это тут за вопрос в тексте — „Разве совесть в лагерной могиле?“». Наша совесть в Кремле, и ее зовут Борис Николаевич Ельцин». Конкурс этот был закрыт, и утвердили гимн на прежнюю музыку с перелицованными словами Михалкова. Но мелодия Глинки и мои патриотические слова, написанные лирично, от чистой души, остались как песня, которой — кто знает? — может быть, суждена долгая жизнь.

— Вы проводите больше времени в Америке или в России?

— В прошлом году географически я был в России месяцев пять. Но разве мое сердце — не территория России? Все мое время занято Россией — я заканчиваю гигантскую работу в трех толстенных томах «10 веков русской поэзии», я пишу стихи о сегодняшней России и выступаю не только в Кремлевском дворце, но в самых ее отдаленных от центра местах. На Сахалине и на Ямале за всю их историю вообще был первый сольный вечер русского поэта.

— В каком качестве вас призвала Америка?

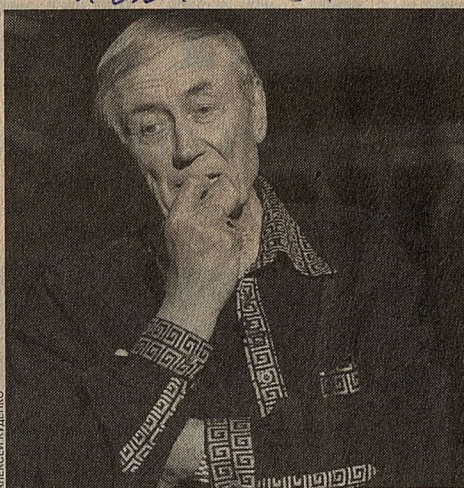
— Я преподаю в двух университетах — в частном университете города Талсе, штат Оклахома, и в государственном колледже Нью-Йорка, что в Квинсе. Да, Талса — это ковбойский, нефтяной городок с населением в 300 тыс. жителей. Но когда я услышал, как здешние часы на башне на центральной площади играют тему Лары из кинофильма «Доктор Живаго», я обомлел. Это одна из причин, по которой я выбрал этот город.

— Чему учите американских студентов?

— В местном университете есть студенты и из России, Казахстана, Киргизии... Это уже новая эра — нашему поколению такое и присниться не могло. Но наше поколение на это работало. «Границы мне мешают. Мне неловко не знать Буэнос-Айреса, Нью-Йорка» — за эти стихи, написанные только через два года после смерти Сталина, мне здорово попало. А когда я стал депутатом, я первым превратил это стихотворение в жизнь, поставив предложение отменить выездную комиссию, которая решала пустить или не пустить за границу. В целом у меня сто с хвостиком студентов. Еле-еле на этот хвостик обошел мою жену. Она здесь тоже преподает в школе русский язык, и у нее 98 студентов. Я в детстве всегда влюблялся в училок, вот и получил училку дома. Но я ее почти не вижу — она встает в шесть утра, возвращается поздно вечером и потом сидит над проверкой домашних заданий.

— Российские университеты не предлагали вам место преподавателя?

— Я практически преподавал поэзию с экрана нашего телевидения — это было 108 передач «Поэт в России больше, чем поэт» по полчаса каждая, и получил премию ТЭФИ. А ведь у передачи были противники — говорили, что наш народ сейчас поэзией не интересуется. Это неправда. Я думаю возобновить программу и начать ее с древнерусской поэзии. Еще я тщательно бьюсь над тем, чтобы эту передачу выпустили для школ и университетов на видеокассетах. Мне не нужно за это никакого гонорара. Тем не менее передо мной стена равнодушия.

— Вам как-то предлагали стать министром культуры РФ. Почему отказались?

— Мне предлагала выставить мою кандидатуру группа депутатов во главе с Олегом Басилашвили, которого глубоко уважаю и как актера, и как гражданина. Но я отказался, потому что видел, как оскорбительно, без предупреждения, Ельцин освободил от должности министра здравоохранения великого гематолога Воробьева. Слава богу, с должности Евтушенко меня никто не может снять.

— Не кажется ли вам, что Россия сейчас не ориентируется на свою литературу и культуру вообще, что ее больше интересует развитие западной?

— Я с вами не согласен. Да, мы издаем сейчас много иностранной дребедени, как, впрочем, и своей, но мы издаем столько книг по русской немарксистской философии, лежавших раньше под семью замками, и столько книг, которые незаслуженно не переводились, например Ромен Гари, кем я, например, наслаждаюсь.

— У вас было произведение «Перестройщикам перестройки». К кому бы вы обратились сейчас — к «Приватизаторам приватизации»?

— «Приватизаторы приватизации» должны помнить, что если они поставят своей целью лишь улучшение собственного благосостояния, а не народа в целом, не помогут становлению среднего буферного класса и будет лишь увеличиваться разрыв между двумя тысячами очень богатых и миллионами очень бедных, то это прямая угроза будущему их самих и неминуемо — их детей. Приватизация капитала и бедности ничем другим не может кончиться, кроме взрыва.

— Правда, что вы отказались принять от Пабло Пикассо в подарок его картину? Или это очередная байка про вас?

— Это не байка, а чистая правда. Ее печатно подтвердил корреспондент «Юманите», который был свидетелем этой сцены. Когда Пикассо хотел мне подарить одну из своих новых картин в 1961 году и спросил меня, какая из них мне больше нравится, я был честен и сказал, что мне не нравится ни одна из них и что вообще я предпочитаю больше всего его голубой период. Он вел себя блестяще после такой горькой пилюли. Потребовал, чтобы нам принесли шампанского и поднял тост за Россию, в которой жив дух Настасьи Филипповны, бросившей пачку денег в камин. Я до сих пор не жалею, что так поступил. Я сам держу в друзьях только тех, кто мне говорит правду, иногда мне неприятную. Я и сам стараюсь говорить открыто эту неприятную правду о самом себе. Когда-то я предложил «Литературке» ввести рубрику «Писатели о своих недостатках». Это предложение превратилось в «висяк». Но не идеализируйте как чрезмерное покаяние мое давнее признание, что 70% написанного мной — мусор. Ведь мои 30% — это большой томина. Так что я не такой уж скромник.

— Какой вы видите современную творческую интеллигенцию России?

— Современная интеллигенция, к сожалению, вся растасована по тусовкам, кучкуется вокруг премиальных подачек, халявных банкетов. Надо уметь спланировать, невзирая на разницу во взглядах на искусство и на политику, чтобы отстаивать свои профессиональные права. Сейчас на серьезную литературу почти невозможно прожить, если не получать премий.

— Насколько для современного поэта важен факт раскрутки?

— В новых условиях все основано на раскрутке, как бы неприятно ни звучало это слово. Раскрутка иногда переходит в насильственную вкрутку в наши мозги имен некоторых ничтожеств. А между тем я когда-то написал: «Поэзию рождает ожидание поэзии народом и страной». Ожидание поэзии нарастает. Люди смертельно соскучились по новым хорошим стихам. Они тоже есть. Народ и страна, слава богу, есть. Нужны раскрутки тех, кто этого достоин. Я — другое дело. Я раскручен вихрем самой истории. Сейчас бюро прогнозов, кажется, никаких вихрей не сулит. Но безветрие может быть удушающим.